

Но в целом это было почти одно и то же.

Хотя все давно знали, когда Цинь Юнь произнесла это вслух, в зале раздался стон.

Цинь Юнь улыбнулась:

— Я верю в вас, держитесь.

У всех были удрученные лица. Какое там «держитесь»? Остался всего один день, и все были в панике.

В эту ночь снова не спали. Казалось, что с тех пор, как они здесь оказались, только в самом начале режим был нормальным, а потом постепенно все превратились в полуночников.

Сюй Сяое знала, что Ань Жун будет петь, но никак не могла выяснить, что именно. Каждый день, как только выходила из танцевального зала, она тут же хватала Ань Жун и допытывалась.

— Что тут такого, что нельзя сказать? — Сюй Сяое вдруг осенило, и она испугалась собственной смелой мысли. — Ты... не собираешься петь свою собственную песню, да?

Ань Жун приподняла бровь:

— А почему бы и нет?

Сюй Сяое театрально прижала руку к груди:

— Хотя я знаю, что ты пишешь песни, но... это же отборочный тур!

Даже если уже всё решено, нельзя же так явно? Это же просто подарок для хейтеров!

— Подумай еще раз!

Ань Жун сказала:

— Акомпанемент уже сдан.

Сюй Сяое опешила.

Эта маленькая упрямица!

Сюй Сяое почувствовала себя заботливой мамашей, пробормотав:

— Всё, дочка вступила в период бунтарства, больше не могу с ней справиться.

Ань Жун промолчала.

Пользуясь моментом, чтобы подчеркнуть свое превосходство, это вообще нормально?

Отборочный тур был как хищный зверь, преследующий время. Все настолько нервничали, что даже не могли спокойно поесть. Казалось, что время пролетало мгновенно.

Наступил вечер. Ся Чуньхуа, казалось, совсем не нервничала. Она не тренировалась, а ходила по комнатам, заложив руки за спину, как кошка, обходящая свою территорию.

Она была щедрой и добродушной, со всеми поддерживала хорошие отношения. Дойдя до

последней комнаты, она несла в руках кучу закусок и мягких игрушек, заглядывая на стол.

Ань Жун не знала, смеяться ей или плакать. Она указала на шоколад в коробке с масками Сюй Сяое:

— Только это, ты сама подарила, и еще кошка, тоже твоя.

Ся Чуньхуа покачала головой и вздохнула:

— Тебе так плохо, правда, сестра тебя пожалеет.

С этими словами она отдала Ань Жун большую часть того, что держала в руках.

Ань Жун поспешно возразила:

— Не надо, это же тебе подарили.

В конце концов, все думали, что это, возможно, их последняя ночь здесь, и Ся Чуньхуа, вероятно, тоже так считала, поэтому и ходила так.

Ань Жун пояснила:

— Я занимаюсь фитнесом, не ем закуски.

Она также поблагодарила, и Ся Чуньхуа, зная, что она сейчас в режиме тренировок, повернулась к Сюй Сяое.

Сюй Сяое улыбнулась:

— Больше ничего нет, у меня осталась только одна дочка, если хочешь, забирай.

Она указала на Ань Жун.

Ань Жун промолчала.

Ся Чуньхуа скривила губы, понимая, что это не сработает. Она всегда считала себя старшей сестрой для Ань Жун, а теперь получалось, что Сюй Сяое косвенно воспользовалась этим. В любом случае, они обе точно не уйдут, так что не стоит паниковать.

Ся Чуньхуа быстро ушла.

Даже сестру не захотела.

На следующий день напряжение достигло предела.

Чэнь Синь пришла сообщить, что этот отборочный тур будет проходить в студии, где уже готовы сцена и освещение, и что порядок выступлений будет определяться жеребьевкой.

Сюй Сяое вытянула шестой номер и, обернувшись к Ань Жун, сказала:

— Шесть — счастливое число, я в частном порядке обменяюсь с тобой.

Хотя она знала, что это две части шутки и семь частей игры, Ань Жун всё же обрадовалась той одной части.

Но у неё тоже был образ, поэтому она с серьезным лицом произнесла:

— Не надо.

Затем она протянула руку и вытащила шарик с номером: 20.

Ань Жун опешила.

Её лицо тут же исказилось.

Она спросила у Чэнь Синь:

— Может быть, это не совсем правильно написанная двойка?

Чэнь Синь с улыбкой покачала головой.

Кто-то вытянул двойку и теперь плакал.

Когда дело доходит до крайности, все хотят выступить позже, но если попадешь на самый конец, то ждать становится совсем неинтересно...

Соревнование началось в три часа дня, и им дали утро на разминку, репетицию и корректировку на месте.

После обеда начался макияж, укладка и проверка порядка выступлений.

Ань Жун посмотрела и увидела, что в зале много незнакомых лиц.

Она сказала об этом Сюй Сяое. Та спокойно ответила:

— Наверное, это настоящие зрители.

В конце концов, после выхода программы у них уже появились фанаты.

Когда всё началось, Ань Жун стояла за кулисами, ожидая своей очереди, и наконец дождалась, когда выйдет Сюй Сяое.

Сюй Сяое обняла её.

Ань Жун сказала:

— Удачи.

Сюй Сяое кивнула и вышла.

Свет был ярко-красным, и на Сюй Сяое он падал особенно эффектно. В зале раздались крики.

Ань Жун улыбалась, слыша, как кто-то за её спиной с завистью прошептал:

— Это фанаты Сюй Сяое.

Она часто так смотрела на Сюй Сяое, наблюдая, как та расправляет крылья, как птица, и горделиво двигается, как самая сексуальная кошка. Это была песня с точки зрения танцовщицы, борющейся с предрассудками и ярлыками. Оригинальный танец в основном показывал борьбу и освобождение, но Сюй Сяое изменила его, сделав более грациозным и

чувственным, что придало танцовщице ещё больше трагизма.

Ань Жун не видела её лица, но представляла, что оно, должно быть, было соблазнительным и ироничным.

Она аплодировала вместе с залом.

Когда Сюй Сяое сошла со сцены, Ань Жун ещё немного постояла, прежде чем уйти.

Никто бы не подумал, что она просто хотела посмотреть на Сюй Сяое.

Когда она снова увидела Сюй Сяое, та уже переделалась и сидела в углу, задумавшись.

Ань Жун сказала:

— После окончания ещё нужно выйти.

Сюй Сяое очнулась и ответила:

— О, это платье слишком тесное, неудобное, в любом случае времени ещё много, я потом переоденусь.

Они обе спрятались в углу, как будто искали уединения, пока спереди не назвали имя девятнадцатого участника, и Ань Жун не поднялась, чтобы подготовиться.

Сюй Сяое крикнула:

— Удачи!

Ань Жун протянула руки.

Сюй Сяое улыбнулась и встала, чтобы обнять её.

Когда ведущий назвал имя Ань Жун, свет на сцене погас.

В зале начался шум, люди не понимали, что происходит.

Вдруг появился легкий ритм барабанов, становясь всё громче.

Бум — бум — бум —

Свет всё ещё не загорался, но люди уже не паниковали, понимая, что это не авария на сцене.

Раздался почти шепчущий голос, двусмысленный и воздушный, с придыханием, словно прямо в ухо:

— Ах, любовь — она пришла — пойдёшь со мной? —

Мелодия была немного нервной, и у многих сразу же пошли мурашки по коже.

На сцене загорелся только один луч света, освещая человека, стоящего посередине с опущенной головой. Она держала микрофон, дыша в такт аккомпанементу, вызывая волнение. Её низкий голос был слегка хриплым и невероятно сексуальным:

— Каблуки цокают, пальцы касаются и тают, густая ночь давит

В толпе останавливаюсь, обнимаю цветы и шепчу слова любви, но не говорю «люблю»

Притворяюсь, что всё понарошку, смотрю сквозь туман, ты говоришь, что мы друзья, глупышка

Сценические слова, ты приняла за правду? Ха-ха —

Аккомпанемент внезапно исчез, и этот высокий, чистый смешок остался одиноким, наивным и жестоким.

Пауза длилась секунду, и вдруг музыка взорвалась, как будто выплеснув всё наружу. Ань Жун медленно подняла голову, её глаза смотрели куда-то вдаль, брови слегка сведены, взгляд резкий и печальный:

— В одинокой ночи объятия — это правда или ложь?

Завуалированные слова любви — это просто моя иллюзия?

Я плачу, я смеюсь, это тебя не касается

Друзьям тоже нужно целоваться?

Ты уже с ним

Сигарета обжигает палец

Но я всё ещё люблю, люблю

Дрожащий голос Ань Жун, казалось, всё ещё содержал в себе мольбу, словно боль всё ещё была на кончиках пальцев, а человек перед ней уже ушёл:

— Мне некуда отступить, я унижена до жалкого состояния

Но не могу остановиться, упрямо люблю

Я упала с обрыва, борюсь в аду

Спаси меня или убей

Не было высоких нот, она не кричала, просто её голос дрожал, и наконец она сдалась, лишь прошептала:

— Убей меня, поцелуй меня, поцелуй меня, убей меня.

Эта боль могла быть искуплена только смертью или её поцелуем.

Свет на сцене постепенно загорелся, освещая её сзади. В контровом свете её лицо было не видно. Она подняла веки, её взгляд был глубоким, но непонятно, куда она смотрела:

— Чей голос хриплый, мягкий шёпот, рассвет освещает чёрные волосы

Шум стихает, лёгкий поцелуй на ресницах, оказывается, это всё ещё ты

Ах — любовь

Любовь — ах

Если бы всё началось заново, и это был бы ты, я всё равно бы любила.

На мгновение всё замерло. Ань Жун смотрела на Сюй Сяое, которая незаметно пробралась в зал. Её глаза наполнились теплом, и тысячи слов застряли в горле, оставляя её безмолвной.

Найти её в толпе было так просто — всего один взгляд.

Прошлое осталось позади, и теперь оно принадлежало только ей одной.

<http://bllate.org/book/16418/1487923>